

Вероника ДОЛИНА:

«Зря у нас со сказками борются»

Мы точно знаем многое из того, что случится в будущем году — например, юбилей Вероники Долиной

Поэтов не принято расспрашивать о чародействе. Особенно в интервью. Как-то неловко взять и в лоб спросить у внешне нормального, не обвешанного амулетами, не закутанного в мантию человека, умеет ли он провидеть, пророчить, ворожить. Но ведь хочется! Потому что с кем же еще про это разговаривать, если не с ними, чье ремесло уже само по себе есть алхимия и чудотворство в чистом виде.

Он несчастные шепчет слова,
Чертит странные знаки.
И крылом ему машет сова,
Проплывая во мраке.

Это Вероника Долина о поэте в момент трудового процесса. У нее самой в стихах отменены и законы гравитации, и закон необратимости времени: там летают женщины, летает недвижимость, и столетия меняются, точно погода. Нынче на дворе одно столетие, завтра совершенно другое. Чаще всего частные владения поэта Вероники Долиной озаряет своими молниями Средневековье. А где Средневековье, там должно быть колдовство. В строчках Вероники Долиной оно само собой есть. А вот в жизни? И Вероника обыденно соглашается, что и в жизни вокруг нее всегда «было много готики, мистики, магии»:

Магия. Без разоблачения

— Расскази!

— Прямо рассказать? Хорошо, рассказываю... Например, прошлой зимой я затеялась сделать детский альбом по мотивам сказок братьев Гримм. Хотя я и не Чайковский, зато я — бабушка двоих внуков. Не всем на свете поэтам это было дано. Люди писали своими совсем еще юными руками: «Когда я буду бабушкой годов через десяточек» — и не сбывалось, и не успели. А у меня под роялем играют двое внуков. Это выглядит вполне божественно да и звучит именно так. Наступает весна истекающего года. И что же я узнаю? Появилась эстрадная пара, которая себя называет братья Гримм. И что же я вижу? На экран выходит картина «Братья Гримм». И что же я слышу? Что перформанс Мамонова и его новый диск содержат в себе сюжеты из сказок братьев Гримм. Как же так? Пятым колесом в этой колеснице я не стала встраиваться и убежала в область старинных французских сказок. Сочинила пятнадцать песенок по мотивам старинных французских сказок.

А еще раньше, в миллениум, я записала пять пластинок. Просто так. Теща себя и играя в сверхпродуктивность. И была там одна пластинка, которая называлась «Железная дева». «Железная дева» в нормальном средневековом смысле — это орудие пытки. Оно выглядит как саркофаг, внутри которого — шипы. Туда записывали человека, и если его закрывали, то шипы пронзали все. И хана. Такая казнь. И я туда вставила свою маленькую ораторию «Жанна», которую сочинила в семнадцать лет, когда задыхалась от любви к Ануи и трепетала от величия и магии Жанны. «Железная дева» для меня — метафора нашей жизни, и Жанна оказалась внутри нее, потому что и у нас, того и гляди, угодишь в шипастое нечто,

которое еще и закроется. Типа государства, прошу прощения. И что же я слышу? Люк Бессон, мой ровесник, выпускает свою «Жанну Д'Арк». И что же я вижу? Ларс фон Триер, мой совершенный одноклассник, снимает «Танцующую в темноте» — *Dancer in the Dark*. Я была ошеломлена! Чтобы слово, переливаясь с одного языка на второй и на третий, везде означало одно и то же: тьма.

— Положим, это мистика. А что с магией? Не с чьей-то, с собственноручной...

— Что с магией? Пожалуйста, пожалуйста.... В 89-м году я оказалась в гостях у Леха Валенсы. Сидел он в таинственном доме — выглядел и вел себя, как Робин Гуд, еще не готовящийся выйти в архиепископы Кентерберийские. Был далек и от народа, и от президентства. А я там, в Польше, была объята безумной любовью. Так получилось. От одного этого пространство раскалилось совершенно необыкновенным образом. Я вся изменилась, стихи все изменились, моя жизнь по приезде в Москву изменилась. Я превратилась в волшебное веретено, от которого ткалась нитка совершенно загадочного света и плотности. На этой нитке — я полагаю, но никому своих предположений не навязываю — и случилось то президентство.

— Помню. Не про Валенси, про любовь: *И поплывет конверт во время оно, В размякшую, расслабленную даль, Где пьется амаретто ди сароно, Не горестный, а сладостный мундаль...* Это ведь оттуда?

— Оттуда. Что-то и сейчас умею. Но усилий требуется больше. Я много растеряла из своих старинных сил, которые мне были отпущены. Их нечем восполнить. Прошлое, еще недавно позванивавшее в кармане, тоже ни на что не годится. Полная девальвация, и

можешь с этим делать все что угодно. Когда-то я выступала в Кунцеве, в допотопном Дворце культуры, он еще где-то есть в глубинах Можайского шоссе. От невероятного кунцевского метро туда вели невероятные автобусы, и со мной ехали удивительные люди: исполнительница «Бабьего яра» Ляля Фрайтер, ее аккомпаниатор Игорь Вульф. Лет 8—10 назад я его обнаружила на телеэкране в качестве одного из ведущих пластических хирургов Москвы. Он рассказывал, как он переделывает статусные лица. О, боже! Все во мне задрожало: волшебное прорастает какими-то невероятными шипами.

Меня с успехом покинули многие радости. И все же я умела радоваться — чуть ли не детским игрушкам на первом этаже «Детского мира», чуть ли не тряпкам в большом магазине в Сан-Франциско или Нью-Йорке, чуть ли не ужину в китайских рестораниках, потому что там легкий сумрак, прохлада и правильная кухня. Все это мне сделалось почти безразлично. Я неуютный человек в неуютном просторстве, все более печально живущий.

— Неужели совсем-совсем ничего не радует?

— Почти только стихи. Я, как альпинист, закидываю слово, словно альпеншток, впереди себя и на нем подтягиваюсь дальше. Закидываю не кому-то в глотку, а в совершенно каменную поверхность этой реальности, этого города, который сегодня меня пугает. Я с ним заигрываю, я перед ним заискиваю, я очень боюсь, что город мне так нападёт, что полечу отсюда не клочками, а мельчайшим пеплом. И я ему, как огромному хищнику, как огромной пантере, готова шею почесывать снизу вверх. Но мне страшна любая из его лап, а их, кстати, очень много, а вовсе не четыре, каждая из них готова меня растоптать. Как растоптала «Норд-Ост»,

который был для меня абсолютной магией, волшебством, доведенным до результата. Такой котел с чародейством. И этот котел взорвали. Все, над ним произведенное, для меня не какой-то там теракт, а приговор здешней реальности, приведенный в исполнение.

У нас нельзя так колдовать. У нас со сказками всегда боролись и борются. Был Музей кино в Москве. Это же была сказка о кино, которое век колдует над глазным хрусталиком человека, над его реальностью. Взяли и уничтожили. Что ж такое? Где-то в Костроме снесли музей Бабы-Яги, и напрасны были вопли несчастных костромских актеров, что они хотели как лучше. Здесь на эту тему не заболтаешься. Потому что у нас — дремучесть, а сказка, как это ни забавно — могучий противник дремучести. Писатель нашего детства Илья Зверев заметил, что на нашей территории действует трамвайный закон: не высовывайся! Теперь же, когда почти всех обучили пристегиваться ремнями, вопрос высовывания в искусстве вообще уже не стоит. Зайти за черту не то что опасно, это практически смертный приговор.

Власть куда отвратительнее, чем руки бралодея. Подумаешь, какая метафора. Подумаешь, руки бралодея. Все намного хуже. Это опасная бритва в заряженном состоянии, а не какие-то там руки. Но художники играют, как играли Бабель, Мейерхольд, Хармс, заглядывают в пасть, потому что, как Жанна, имеют высшую веру в свою защищенность. Они воздевают, бедные, очи и говорят: «Государь мой, святой Михаил, государыни святые Екатерина и Маргарита, не верю, не верю, что меня сожгут!». Но простые грубые силы знают свое дело. И делают его.

Лилия ГУЩИНА

У Вероники Долиной, менестреля и поэта, наступает Средневековье. Середина личного века. Его предварительные итоги:

1. Концертный стаж — 30 лет.	4. Выпущено компакт-дисков — 15.
2. Стихов — не счесть.	5. И что дальше? Дальше, разумеется, Ренессанс. Что же еще?
3. Поэтических сборников — 20.	